

Ше Цзе был человеком дела. Сказано — сделано: раз уж он твердо решил как можно скорее растопить лед в отношениях с Фан Чаоцы, то откладывать это в долгий ящик точно не собирался.

В то утро Ше Цзе поднялся ни свет ни заря. Овсяная каша, умывание, утренняя разминка — все прошло на одном дыхании.

Ше Цзе на собственном опыте подтвердил научную теорию о том, что семи дней вполне достаточно для формирования привычки. И пускай Яней Ше в глубине души все так же ненавидел утренние подъемы по свистку, его тело больше не бунтовало, а после упражнений в голове воцарилась приятная, бодрящая ясность.

Закончив тренировку, Ше Цзе поднялся и тут же столкнулся взглядом с Эр-е и Фэйлянем. Кот и попугай сидели рядышком, уставившись на него во все глаза. Они синхронно поворачивали головы, следя за каждым его выпадом — утреннее созерцание хозяйских чудачеств давно стало для них привычной забавой.

В их круглых глазах читалось искреннее недоумение: бесперый двуногий опять занимается какой-то ерундой.

Попугай нагло переступал лапами по самому краю крыши, кот же с царственным видом восседал на серой черепице стены, разделявшей их усадьбы. Казалось, весь мир принадлежит этим двум самовлюбленным монархам, и не существовало уголка, куда бы они не могли дотянуться.

Заметив взгляд Ше Цзе, Фэйлянь изящно выгнул спину и ласково замаякал, выпрашивая угощение. Эр-е церемониться не стал. Взмахнув широкими белыми крыльями, он принялся скакать по карнизному свесу, опасно балансируя на краю, и истошно вопить:

— Жратва! Жратва! Где жратва?!

В детстве Ше Цзе безумно переживал за своего пернатого любимца. Ему казалось, что из-за этих безумных кульбитов попугай непременно разобьется. Как-то раз мальчик даже полез на дерево, чтобы спасти глупую птицу. Но стоило ему с трудом уцепиться за качающуюся ветку, как Эр-е преспокойно взмахнул крыльями и улетел.

Горькое осознание: «Ну и дурак же ты, а я летать умею!» — навеки врезалось в память Ше Цзе. И теперь, глядя на то, как попугай куролесит на верхотуре, он каждый раз мысленно возвращался к тому досадному уроку.

Ше Цзе достал лакомство и поманил пушистого соседа:

— Фэйлянь, иди сюда.

Белый прыгун, готовый сожрать все на свете, совершил по-настоящему кинематографичный прыжок и приземлился прямо в объятия Ше Цзе. От неожиданного толчка молодой человек едва не потерял равновесие, но удержался на ногах и расплылся в счастливой улыбке. У кого-нибудь другого такая гримаса выглядела бы глупо, но Ше Цзе был слишком хорош собой: его искренняя радость оказалась настолько заразной, что невольно хотелось улыбнуться ему в ответ.

Словно из зависти, Эр-е тоже спикировал вниз, пытаясь протиснуться в объятия хозяина, но в итоге ему пришлось довольствоваться местом на плече юноши.

— Паршивец! Паршивец! Паршивец! — закричал попугай.

— Семечек лишиться захотел? — пригрозил Ше Цзе.

— Батюшка! Отец родной! Пощади! — тут же сменил тон Эр-е.

По части умения приспосабливаться к обстоятельствам этому прохвосту не было равных.

Благодаря Фэйляню у Ше Цзе наконец-то появился благовидный повод навестить соседа. Он обдумывал этот план уже несколько дней, ведь явиться просто так не позволяла гордость. Сосед вернул попугая — он возвращает кота. Идеальный обмен любезностями, прекрасный шаг к примирению!

«Ну до чего же я умен!» — мысленно похвалил себя Ше Цзе.

Однако стоило ему заикнуться о своем намерении, как слуги во главе со старым управляющим Цжайлао посмотрели на него с глубочайшим подозрением. Ни одна живая душа в доме не поверила в его бескорыстие.

Конечно, тайный умысел у Ше Цзе имелся, но домочадцы навоображали бог весть что, решив, что их неугомонный господин снова затевает какую-то пакость.

Ше Цзе лишился дара речи.

Старый управляющий усадьбы принялся засыпать его увещеваниями:

— Молодой господин, пощадите! А ну как о ваших проделках прознает Ее Высочество принцесса Вэнь Тянь? Ладно вы ее не бойтесь, но вспомните собственные слова! Вы же сами давеча говорили, что перед силой и деньгами порой приходится склонять голову. Управление государственного имущества и аренды нам, может, и не друзья, но ссориться с ними сейчас никак нельзя. В утреннем правительственном вестнике черным по белому написано: вопрос о

переносе столицы обсуждают уже в открытую. Мы прошли почти весь этот путь, осталось сделать последний шаг — потерпите еще немного, умоляю вас, сдержите нрав!

Ше Цзе обиженно надулся:

— С чего вы взяли, что я иду устраивать скандал? Этот человек спас моего попугая. Положите руку на сердце и ответьте честно: неужели я похож на неблагодарного мерзавца?

Присутствующие ответили хором и без малейших колебаний:

— Еще как похожи!

Ше Цзе подавился воздухом.

Лишь Ше Саньэр, преданный своему господину до мозга костей, уже закатывал рукава и озирался в поисках чего-нибудь потяжелее. С видом заправского заговорщика он кровожадно ухмыльнулся:

— Хозяин, только скажите слово — и мы разнесем там все к чертям собачьим!

Младший из близнецов, Ше Сяосы, растерянно переминался с ноги на ногу. Он пребывал в полнейшем смятении: они с соседским Люланом еще даже за руки поддержаться не успели, а тут уже война намечается!

— А ну тихо! — вскипел Ше Цзе.

Словно почувствовав раздражение юноши, Фэйлянь приподнялся в его руках и грозно зашипел на слуг, обнажив острые клыки. На самом деле этот белоснежный мерзавец ластился далеко не к каждому, и в гневе бывал по-настоящему страшен.

Попугай тут же поддакнул ему тонким, пронзительным голосом, точь-в-точь как у дворцового евнуха:

— Наглецы! Смерды! Как вы смеее так разговаривать с молодым господином?!

Сказать по правде, при виде такой свиты любой случайный прохожий признал бы в Ше Цзе классического избалованного сынка высокопоставленного чиновника. Даже домашняя птица у него умела строить из себя грозного господина, пользуясь чужой силой.

Прямо как знатный волокита в окружении капризных красавиц, Ше Цзе принялся ласково поглаживать своих любимцев. Он утихомирил кота, заставив того спрятать зубы, и заткнул

надоедливый клюв Эр-е щедрой горстью тыквенных семечек.

В итоге Ше Цзе все же отправился к соседям. Братьев-близнецов он с собой не взял из принципа: от одного их вида у него уже начинала раскалываться голова. К тому же эти верзилы со своими разбойничьими физиономиями непременно спровоцировали бы драку — посторонний человек точно решил бы, что банда Ше Цзе идет на разбой.

К его великому разочарованию, Фан Чаоцы дома не оказалось.

Ше Цзе стоял посреди чужого двора с пушистым комом в руках и попугаем на плече, глупо хлопая глазами.

— А где ваш хозяин? — спросил Ше Цзе.

Гостя встретил управляющий усадьбы Фан — мужчина средних лет по имени Чжун, которого все уважительно звали дядюшкой Чжуном. Ше Цзе его помнил: именно этот человек недавно отчитывал юного Люлана за то, что тот опоздал с покупкой жареных пельменей-цзяоцзы. Дядюшка Чжун приходился Люлану родным отцом и очень надеялся когда-нибудь передать сыну свои дела. Беда лишь в том, что парень до сих пор вел себя как несмышленный ребенок, а с таким ветром в голове приличную должность не получить.

— Вы уж простите, молодой господин, — угодливо поклонился дядюшка Чжун.

Люлан, стоявший неподалеку, не удержался и буркнул себе под нос со всей юношеской горячностью:

— Вообще-то существует такая вещь, как утренняя аудиенция у императора. Наш господин человек занятой, ему некогда без дела рассиживать.

Впрочем, у паренька хватило ума прикусить язык и не добавлять язвительное: «В отличие от некоторых бездельников». Он не питал к Ше Цзе особой неприязни, а когда узнал, что наследник пострадал от упавшего с неба Небесного камня и долгое время не мог даже выйти на улицу, то и вовсе проникся к нему жалостью. Сам Люлан рос юношей деятельным и трудолюбивым, во всем стараясь походить на своего господина — неисправимого трудоголика Фан Чаоцы. Он искренне полагал, что праздная жизнь невыносимо скучна и печальна, а потому решил побереечь чувства гостя и не сыпать соль на раны.

Ше «у меня нет и никогда не было работы» Цзе уныло промолчал.

— Если у вас нет спешных дел, то, быть может... — снова заговорил Люлан.

Парень вовсе не пытался выгнать знатного соседа — упаси небо, у него бы духу не хватило дерзить сыну великой принцессы. Просто в усадьбе Фан сейчас царил суматоха.

—...вы заглянете позже? У нас тут сегодня не протолкнуться, боимся случайно доставить вам неудобства.

Люлан выразился максимально деликатно, однако Ше Цзе напрочь не обладал чуткостью, необходимой для того, чтобы вовремя заметить чужую неловкость и уйти.

— А что у вас стряслось? — с любопытством спросил он, припоминая, нет ли на днях какого-нибудь важного праздника. — Неужели празднуете новоселье? Если так, я могу прислать своих близнецов на подмогу. Они в приеме гостей мастера, опыта им не занимать!

Дядюшка Чжун, хоть и прибыл в Цзянцзо недавно, уже наслышался о выдающихся организаторских талантах четырех близнецов из усадьбы Ше. Он изумленно округлил глаза, никак не ожидая от капризного молодого господина столь искреннего порыва. Когда только их хозяин успел так близко сойтись с наследником Ше?

— Премного благодарны, молодой господин, но дело вовсе не в пиршестве, — вежливо ответил дядюшка Чжун. — Мы готовимся к просушке книг.

Просушка книг была древней и уважаемой традицией. В те времена хранить свитки и фолианты оказывалось делом непростым: чтобы уберечь бумагу от сырости, плесени и вредителей, ученые мужи ежегодно в конце лета, незадолго до праздника Циси, выносили свои библиотеки под солнце. Со временем это полезное занятие превратилось в настоящее торжество — стали устраивать целые празднества и званые собрания для совместной просушки книг.

Подобные собрания походили на изысканные встречи поэтов времен эпох Вэй и Цзинь. Главным здесь была вовсе не забота о сохранности бумаги, а ученые беседы и обмен мнениями. Успешно проведенный прием мог в одночасье вознести хозяина дома на вершину литературного признания. К примеру, знаменитый Сыма Гуан обожал созывать гостей на такие встречи, пользуясь случаем, чтобы похвастаться своим роскошным садом в самом сердце столицы.

В Цзянцзо близился к концу седьмой месяц, так что время для просушки книг было самое подходящее. Для Фан Чаоцы, который прибыл в эти края позже остальных из-за бесконечных потрясений нынешнего года, такое собрание являлось идеальной возможностью завязать полезные знакомства и завоевать уважение среди местной знати и ученых мужей.

Приглашения на столь важное событие наверняка разослали загодя. И надо же — Ше Цзе, ближайший сосед хозяина и единственный наследник самого Ше Хэ, признанного светила Цзянцзо, никакого приглашения не получал!

Разум твердил, что обижаться глупо. После всех их прошлых стычек звать его на чинное собрание было бы верхом безумия. Да Ше Цзе и сам бы не пошел, а если бы и явился, то непременно устроил бы какой-нибудь кавардак. Однако уязвленная гордость упорно твердила свое.

Обида навалилась тяжелым, глухим комом. Ощущение было паршивым — будто лучший друг ушел на перемену с кем-то другим, забыв позвать тебя с собой.

Обида упрямо укоренилась в душе, и уходить с пустыми руками Ше Цзе теперь наотрез отказывался.

— И когда он соизволит вернуться? — буркнул он.

— Сразу после аудиенции, — ответил дядюшка Чжун. — Наш господин обычно заезжает домой переодеться перед тем, как отправиться в управу.

Такая привычка появилась у Фан Чаоцы не так давно. В те годы, когда он занимал скромную должность в Юнцзи, он после дворца сразу мчался в свое ведомство. Но стоило ему получить повышение, стать шаоцином Приказа государственной казны и переехать в Цзянцзо, как он завел обычай ненадолго возвращаться домой посреди дня. Дел у него никаких тут не было: он просто стоял посреди двора, держа на руках любимого кота, и молча любовался садом. Но стоило ему провести так четверть часа, как он словно заряжался неведомой силой и в преотличном настроении уезжал на службу.

Нынешний император Шэнь-цзун придерживался весьма вольных взглядов на государственные дела. Если не случалось ничего из ряда вон выходящего, утренние доклады заканчивались мгновенно. Если же назревал серьезный спор... аудиенция завершалась еще быстрее. Стоило чиновникам начать яростную перепалку, сыпля бесконечными цитатами из древних трактатов, как государь, которому эти заумные речи быстро утомляли слух, просто распускал собрание. Пусть, мол, разбираются сами в кулуарах, а ему предоставят готовое решение.

Так случилось и на этот раз. Едва миновал час Дракона, с улицы донеслось залиvistое ржание. Фан Чаоцы стремительно влетел в ворота верхом на холеном коне. Полы его дорожного плаща красиво развевались по ветру, а сам всадник казался сошедшим с изысканной картины. Ше Цзе невольно вспомнил слова Цянь Цзя: «Облик юноши Фана воистину затмевает солнце».

Вся обида, которую наследник Ше так бережно копил последний час, мгновенно испарилась.

«Ну и как на такого злиться? — вздохнул про себя Ше Цзе, разглядывая безупречный силуэт соседа. — Красавцам прощается всё. Во мне определенно пропадает прирожденный столичный повеса... До чего же хочется подразнить этого господина!»

Однако, взглянув на соседа, Ше Цзе невольно сравнил его с собой и уныло признал: на фоне этого великолепия сам он выглядит, мягко говоря, простовато.

На нем был простой повседневный халат лунно-белого шелка. Ше Цзе самым неподобающим образом развалился на каменных ступенях у входа в чужой дом, беззаботно болтая ногами и

лениво поддразнивая то попугая, то кота. Дворянская стать и благородное происхождение тонули в его нарочито небрежной манере держаться, выдававшей в нем типичного праздного юнца из богатого столичного квартала. В таком виде он походил на кого угодно, только не на степенного наследника великого рода.

Ше Цзе уже всерьез подумывал закрыть лицо руками и позорно сбежать, но Фан Чаоцы легким движением соскочил с седла и стремительно направился к нему. Прежде чем гость успел хотя бы моргнуть, сосед уже вырос прямо перед ним.

Не говоря ни слова, Фан Чаоцы подхватил Ше Цзе под мышки и без малейших усилий поднял на ноги. На лице хозяина дома не было и следа улыбки, а брови сурово сошлись на переносице.

— Камень холодный, — строго выговорил он.

Оказавшись в воздухе, Ше Цзе растерянно вцепился в его плечи. Сцена в точности повторяла их недавнюю встречу, вот только сейчас на душе у него было совсем не так тревожно, как прежде.

— Я купил для вас жареных цзяоцзы, они еще горячие, — уже мягче добавил Фан Чаоцы, аккуратно опуская его на землю. Он говорил ласково, точно утешал капризное дитя, умело чередуя строгость с угощением.

Ше Цзе удивленно затрепетал ресницами. В этот миг его круглые от изумления глаза неуловимо напоминали взгляд пушистого Фэйляня.

— Откуда ты узнал, что я приду? — глупо спросил он.

— Не знал, — рассмеялся Фан Чаоцы, и его глаза потеплели. — Я сам собирался заглянуть к вам с этим гостинцем. Очень надеялся, что ради вкусного угощения вы смените гнев на милость и почтите своим присутствием мое скромное собрание. Мне бы крайне хотелось получить ваше согласие. Ну а если бы вы отказались... что ж, пришлось бы мне придумывать что-нибудь еще.

В груди у Ше Цзе словно разорвалась праздничная шутиха, рассыпавшись сотнями ярких, разноцветных искр.

<http://bllate.org/book/19472/1998902>